

Леон Тоом
1921—1969

* * *

Серые дни — без страдания,
скучные, светлые дни.
Вежливость, знаки внимания,
шутки — зачем они?

Солнце и холод. На бритые
щеки садится пыль.
Есть ведь моря открытые,
дикий степной ковыль.

Есть ведь собачья усталость
и лошадиный сон.
Нас же достатком сковало,
как ни ничтожен он.

1947

* * *

Счастлив кто? Солдат на службе:
он отслужит год-другой, —
нет на свете счастья больше,
чем из армии домой.

Счастлив, кто из заключения
возвращается домой:
все на свете будет счастьем
по сравнению с тюрьмой.

Очень счастлив тот влюбленный,
чья подруга далека:
встретятся, так будут оба
счастливы наверняка.

И выходит, что со счастьем
близко все знакомы мы:
кто не пережил разлуки,
армии или тюрьмы?

* * *

Освобождают,
милуют,
прощают
и мудрых старцев,
и слепых котят.
Активируют,
судимости снимают...
Того гляди —
и нас освободят.

Вот-вот и нам,
случайно уцелевшим,
не профильтрованным
сквозь Страшный суд,
ни за что и ни про что
не сидевшим,
тоже, может быть,
чего-нибудь дадут.

*Дадут всего!
На все потрафят вкусы,
у всех нащупав
слабую струну;
дадут и колбасы,
и кукурузы —
дадут всего,
но только не страну.*

1956

Публикация А. Тоома